

Иногда он ограничивался простым распространением отдельных эпизодов евангельского рассказа. Но гораздо чаще прибегал к амплификации более сложного вида: дополнял сюжет подробностями, отсутствующими в источнике. Вводил новые эпизоды; если евангельский текст давал для этого повод, широко пользовался прямой речью — заставлял героев повествования обмениваться речами, произносить длинные монологи. В изложении Кирилла евангельские события — небольшие мистерии (в составе слова); действие их разворачивается то на земле, то на небе — в раю, то в преисподней; наряду с людьми участие в действии принимают и небожители, и сатана с подручными ему полчищами демонов. В передаче евангельского сюжета Кирилл допускал вымысел, но с целями чисто художественными и в пределах, в каких это позволяли себе его литературные предшественники или современные ему иконописцы, изображая «праздники».

Рассказ Кирилла о вознесении Христа на небо — типичный пример его интерпретации евангельского сюжета. О событии этом евангелисты сообщают очень кратко (Марк, XVI, 19; Лука, XXIV, 50—51), Кирилл — с подробностями, напоминающими частично иконописные изображения того же сюжета. Действие у него происходит на горе Елеонской (Деяния, I, 4—9). Здесь, на горе, в ожидании вознесения Христа несметные толпы праведников — библейские праотцы, патриархи, пророки, апостолы, святые, мученики. Среди них Христос (ср. фреску «Вознесение» храма Спаса-Нередицы). На небе радостное смятение. Серафимы, херувимы, архангелы ждут Христа; одни воздвигают ему престол, другие собирают в стаи облака на «взятие» его. Готовятся к встрече и небесные светила; они украшают собой небесные просторы. Христос благословляет всех предстоящих ему на Елеонской горе. На землю спускается светлое облако, Христос становится на него и, поддерживаемый крыльями ветров, начинает возноситься, неся с собой в дар отцу души праведников. Ангелы сопровождают Христа, они спешат к вратам рая, просят стражей, охраняющих врата, отворить их, ибо Христос уже приближается. Но стражи отказываются: они не откроют ворот, пока не услышат гласа господня. Ангелы настаивают, но стражи неумолимы. Тогда раздается глас Христа: он просит открыть ворота. Узнав Христа, стражи небесные падают ниц, врата раскрываются. Христос проходит в рай, где встречает его дух святой. В конце рассказа чисто иконописный по рисунку апофеоз: на престоле восседают бог-отец и в венце из драгоценных камней бог-сын в окружении серафимов, поющих им хвалу.

Приступая к повествовательной части речи, Кирилл обычно перебрывал мост от прошедшего к настоящему, пытался слушателей сделать непосредственными свидетелями евангельского события. Он пользовался разными способами, чтобы поддержать эту иллюзию. Глаголы систематически употреблял в настоящем времени, отдельные эпизоды повествования (тирады) начинал словами «днесь», «ныне», прямо приглашал слушателей, в начале рассказа, стать участниками излагаемого события: «Поидем же и мы ныне, братие, на гору Елеонскую умошь и узрим мысленно вся преславная, створившаяся на ней!»; «Взидем ныне и мы, братие, мысленно в Сионскую горницу, яко тамо апостоли собрашася и сам господь Исус Христос, затворенным дверем, посреде их обретеся». В результате все смешалось: далекое становилось близким, прошлое — сегодняшним днем.

Иллюзия становилась почти явью, когда Кирилл в тех же целях евангельский рассказ дополнял описанием весеннего расцвета природы. Дважды весна у него выступает соучастницей евангельских событий. И в этом нет ничего неожиданного: праздники, в честь которых Кирилл